

Воспоминаніе о ханѣ Хивинскомъ Сейдъ-Рахимѣ.

(изъ походнаго дневника).

Ранней весной 1883 года генералъ Черняевъ, при коемъ я имѣлъ честь быть адъютантомъ, прибылъ въ укрѣпленіе Петро-Александровское, столицу Амуръ-Дарьинскаго отдѣла, расположенную, такъ сказать, въ предверіяхъ самой Хивы.

Я теперь не припомню, былъ ли властитель ея приглашенъ, какъ вассаль, или самъ пожелалъ ѣхать на коронацію Императора Александра III-го, но какъ разъ къ нашему прибытію на Аму-Дарью, было получено изъ Петербурга приглашеніе или разрѣшеніе прибыть Хану Хивинскому въ Москву.

3-го Апрѣля, въ чудное раннее утро, я выѣхалъ къ Аму-Дарьѣ верстъ за шесть отъ укрѣпленія, будучи командированнымъ ген. Черняевымъ для привѣтствованія Хана при вступленіи его на Русскій берегъ и для сопровожденія въ отведенное для него помѣщеніе.

Со мной, въ качествѣ почетнаго конвоя, пошла Оренбургская казачья сотня при хорѣ трубачей, а также поѣхали мѣстный губернаторъ, начальникъ отдѣла Гротенгельмъ и только что сдавшій свой полкъ, полковникъ Оренбургскаго войска Ковалевскій, бывшій гвардейскій лейб-драгунъ.

Рѣка Аму-Дарья въ этомъ мѣстѣ разбивается на нѣсколько рукавовъ; чрезъ главный у Хивинскаго берега, переправа была на каюкахъ (лодкахъ), а черезъ прочіе въ бродъ, правильнѣе сказать, чуть не вплавъ.

Лишь только прискакавшій джигитъ привезъ извѣстіе, что Ханъ вышелъ уже изъ каюка, мы, выславъ чрезъ ближайшій рукавъ рѣки, впередъ для встрѣчи Хана, сотню съ трубачами, сами, какъ и полагалось особамъ прибывшимъ отъ лица Самого и Эрымъ-Падишаха (былой титулъ ген. губернатора въ буквальномъ переводѣ: „Поль-Царя“), остались ожидать ханскаго прибытія на нашемъ берегу.

Чрезвычайно эффектную и красивую картину представляло это шествіе по водѣ: впереди самъ Ханъ, очень видный мужчина, на дивномъ темногнѣдомъ вершковѣ семи аргамакѣ, немного сзади его, братъ, его Атаджель-Тюря (только что оставившій незадолго до этого разформированный гвардейскій Кавказскій эскадронъ), за ними казачьи трубачи на своихъ крошняхъ (названіе Оренбургскихъ казачьихъ лошадей) маштекахъ, за тѣмъ въ темныхъ халатахъ человекѣкъ слишкомъ сто Ханской свиты, народа все очень крупнаго (ростъ ихъ, и безъ того немалый, казался еще выше отъ громадныхъ, больше аршина, бараньихъ черныхъ шапокѣ), шествіе замыкала построенная развернутымъ фронтомъ казачья сотня въ желтыхъ изъ армичины рубашкахъ и красныхъ чамбарахъ (шаровары изъ кожи). Все это было ослѣпительно залито горячими лучами южнаго солнца и выступало какъ бы въ ореолѣ отъ летѣвшихъ вверхъ водяныхъ брызгъ. Какъ и полагается восточному владыкѣ, Ханъ съ перваго же раза меня очень ловко и тонко провель. По восточному этикету при встрѣчахъ надлежитъ лицу, ранга болѣе низшаго, привѣтствовать особу съ положеніемъ высшимъ, обязательно спѣшившись. Хотя я былъ всего поручикъ, но, какъ представитель „Эримъ-Падишаха“, могъ бы, не терпя своего достоинства, слѣзть съ коня лишь въ случаѣ, если это сдѣлалъ бы и Ханъ. Въ тѣ времена эмиръ Бухарскій и ханъ Хивы довольствовались весьма не высокимъ титуломъ „высокостепенства“, рангъ, данный имъ еще Черняевымъ въ 1865 году. Не доѣзжая до меня шаговъ пяти, Ханъ пріостановилъ было своего аргамака и, какъ говорится, палъ на луку сѣдла, съ видимымъ намѣреніемъ спѣшиться; увидя это, я, какъ полагается молодому человекѣку, мигомъ соскочилъ съ своего красавца „Даджала“ и когда я поднялъ глаза на Хана, то съ удивленіемъ увидѣлъ его не на землѣ, а на сѣдлѣ, дѣлающимъ видъ, что онъ лишь поправилъ свою посадку. Это было продѣлано такъ ловко, что я отъ неожиданности крѣпко выругался, послѣ чего уже и началъ привѣтствіе, тутъ же переводимое Хану бывшимъ со мной переводчикомъ Султаномъ-Галиемъ.

Послѣ этой маленькой остановки, весь нашъ кортежъ, въ облакахъ пыли, подъ звуки какой-то невозможной ерунды, усиленно наигрываемой нашими трубачами (впрочемъ, видимо доставлявшей Хану не малое удовольствіе) направился къ отведенному для него помѣщенію, имѣвшему, какъ и всѣ тамошнія, загородныя постройки, видъ небольшой крѣпости съ нѣсколькими воротами и двориками. Эти дворики дали мнѣ возможность, въ свою очередь, поддержать и свое достоинство (передъ этимъ я, сказать по мѣстному, „сѣлъ грязи“): по этикету на

Востокъ точно регламентировано, гдѣ кому надо сѣшваться при вѣздахъ, я и рѣшилъ сдѣлать это лишь одновременно съ Ханомъ и, къ ужасу его придворныхъ, держась на хвосту Ханскаго аргамака, слѣзъ у юрты, стоявшей въ саду, гдѣ сѣшился Ханъ.

Конечно въ юртѣ стоялъ неизбѣжный достарханъ (угощеніе), произведшій полный фуроръ: устраивавшій его Черняевскій поваръ помѣстилъ посрединѣ, какъ *pièce de resistance*, громадный сахарный замокъ, точную копію съ Ханскаго дворца въ Хивѣ. Это повергло и Хана и свиту его прямо въ оцѣпненіе.

Пробыли мы у Хана недолго. Трубачи безъ умолка играли, надо сказать, болѣе смѣло, чѣмъ музыкально, и подъ предлогомъ, что его высокостепенство утомился послѣ такого долгаго путешествія (на Востокъ важныя особы должны ѣхать обязательно медленно и по немногу—куда торопиться? торопятся лишь байгуши, бѣдняки), мы откланялись.

Мой бѣлый, какъ молоко, Карабайръ, какъ и надо было ожидать, оказался выведеннымъ изъ сада наружу, но за то его держалъ въ поводу ханскій Диванъ-Беги Мухамедъ Мать-Муратъ, ослѣпительно красивый Персъ, вершковъ 13 роста, а у стремени моего сѣдла стоялъ верхъ почета: самъ Худояръ, Кушъ-Беги (первый чинъ двора, нѣчто въ родѣ Турецкаго великаго визиря) владыки Хивы.

Съ такой помпой я торжественно возсѣли верхомъ, при чемъ изъ устъ обоихъ сановниковъ услышана похвала статьямъ и красотѣ моего „Даджала“, до коего я прослѣдовалъ по громадному, Текинскому ковру, вслѣдъ за мной сейчасъ же скатанному и переданному моему джигиту. Это былъ пекшешъ отъ Хана лично для меня. Мать-Муратъ, какъ министръ финансовъ, попросилъ моего разрѣшенія (онъ совершенно свободно говорилъ по русски) наградить доставившихъ такое удовольствіе самому Хозрету (владыкѣ) казачихъ трубачей; конечно я его поспѣшилъ дать, и что же вижу? Мать-Муратъ весьма торжественно передаетъ штабъ-трубачу синенькую 5-ти рублевую бумажку; я, конечно, устыдилъ его за скупость, и онъ съ гримасой досталъ изъ кармана другую такую же ассигнацію.

До отъѣзда Хана въ Москву, его въ Петро-Александровскомъ фетировали: былъ данъ Черняевымъ въ честь Хана парадный обѣдъ, за коимъ Ханъ, дабы выразить свое удовольствіе, неоднократно икалъ, а послѣ каждаго блюда требовалъ своего „Чилимчи“ съ кальяномъ. Ему дали понять, что въ Россіи и того и другого дѣлать не полагается.

Устроили и парадъ войскамъ. На немъ фигурировала вся наша сила, державшая Хиву въ покорности: 5 и 13 линейные батальоны, батареи горной артиллеріи и казачій полкъ. Въ рядахъ пѣхоты на многихъ грудяхъ бѣлѣлись Георгіевскіе кресты (часть ея была со Скобелевымъ при Геокъ-Тепе); видъ этихъ, справедливо прославленныхъ по всей степи молодцовъ былъ, какъ говорится, въ концѣ лихой. Надо было видѣть, съ какимъ почтеніемъ взиралъ Ханъ и свита его на этихъ „Акъ-Кулмокъ“—„бѣлыя рубашки“, названіе Русской пѣхоты.

Парадъ этотъ ознаменовался двумя случаями. Одинъ напугалъ, другой долго заставлялъ смѣяться. Крохотная горная батарейка была вызвана для эволюціи и отъ шума (грома, сказать слишкомъ) ея выстрѣловъ, Ханскій громаднѣйшій аргамакъ, испугавшись, чуть было не опрокинулся назадъ. Ханъ очень ловко усидѣлъ, но ему тотчасъ же всетаки подвели заводную его лошадь. По окончаніи парада пѣхота прошла по павловски—ружья на руки: импозантная картина! Генералъ Черняевъ объѣхалъ войска, усиленно ихъ благодаря и расхваливая и, отъѣзжая отъ одного изъ батальоновъ, протянулъ салютующему саблей командиру его, свою руку; у того въ одной рукѣ были поводья, въ другой—сабля; не долго думая, онъ бросилъ послѣднюю на земь и пожалъ освободившейся рукой генеральскую руку.

На другой же день Ханъ со свитой отправился на Казалинскъ и Оренбургъ для слѣдованія въ Москву.

Безсмертный.

